

Введение

Мегаэволюционная парадигма, социальная эволюция, исторический процесс и Восток

Авторы настоящей монографии много писали о проблемах Востока и отдельных стран, как в рамках исследования собственно восточных обществ, так и в рамках развития Востока в историческом процессе. В 2016 году нами издана книга «Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах» (Гринин, Коротаев 2016). В этой книге, несмотря на ее название, в узком смысле относящееся к современному периоду, мы рассмотрели зарождение и развитие Афроевразийской мир-системы с глубокой древности начиная с 12 тыс. л.н., а соотношение развития Востока и Запада с начала второго тыс. до н.э. (см. также: Grinin, Korotayev 2015). В работах, посвященных эволюции государственности были рассмотрены вопросы развития государств и государственных институтов восточных обществ, начиная с самых древних государств. В 2009 г. (а в 2016 г. вышло второе издание) мы рассмотрели многие аспекты развития Востока, особенно его древнего периода в аспекте социальной эволюции (Гринин, Коротаев 2009). Тем не менее, тематика развития особенностей Востока, его вклада в социальную эволюцию, его место в социальной эволюции в целом, не раскрыта и в малой степени. Точнее даже сказать, такая проблема всерьез и не ставилась, между тем рассмотрение причин выделения сначала Протовостока, затем Востока как региона, вырвавшегося вперед; формирование затем Запада не с точки зрения противопоставления одного мегарегиона другому, а с точки зрения закономерностей и особенностей всей социальной эволюции (при выделении в последней собственно исторического процесса) освещает привычные проблемы по-новому. Это было одной из причин создания данной монографии.

При этом надо начинать с глубинных и древнейших процессов. Можно согласиться с Л. Б. Алаевым, что востоковедная история (и, шире теория исторического процесса, связанная с развитием восточных обществ) немислима без постановки общемировых проблем: как проходил антропогенез, что такое племя (и добавим – вождество); как проходил политогенез и возникновение государственности и стратифицированного общества; какие этапы проходило человечество (или его части) (Алаев 2018: 21). В частности в нашей монографии (в главах 4, 10, 11 и других) мы даем картину развития социальной эволюции в догосударственный период, начиная с каменного века, показывая процессы зарождения неравенства, усложнения обществ, формирования первых политических и социально-политических объединений (таких, как племя, вождество), одновременно делая акцент на том, что не было одной линии эволюционного развития, а было много различных форм, которые для среднесложных обществ мы объединили термином *аналоги вождества*, а для сложных – *аналоги раннего государства*, показывая, как проходил политогенез и возникновение государственности и стратифицированного общества. Мы также поднимаем проблемы, важные для нашей темы, которые либо незаслуженно выпали из современной проблематики, либо недостаточно активно исследуются, либо считаются специальными, в т.ч. проблемы влияние природной среды (географического фактора) на особенности развития обществ и регионов; взаимодействие цивилизаций и варварской периферии; зарождение и развитие афроевразийской мир-системы, которая в Новое время трансформировалась в Мир-Систему, но которая начала формироваться не менее де-

сяти-двенадцати тыс. лет назад. Нетрудно заметить, что все эти и многие другие проблемы суть проблемы не только истории, сколько теории исторического процесса и – что особенно важно для настоящей книги – социальной эволюции, точнее даже макроэволюции. И они найдут свое отражение в представленной книге. Но социальная эволюция – это отнюдь не начало эволюции, а ее вершина. Поэтому абсолютно необходимым оказался определенный экскурс в более древние фазы эволюции: биологическую и космическую, каковой показывает достаточно тесную связь между этими фазами макроэволюции на уровне закономерностей и паттернов. Поэтому первые главы нашей книги посвящены исследованию такой связи и выявлению специфики социальной макроэволюции.

Эволюция – категория, вокруг определения которой идут бесконечные споры. Дело в том, что «эволюция» (как и «прогресс», «развитие», «изменение» и т. п.) относится к числу терминов, которые объединяют в себе слишком широкое содержание. Соответственно, и понятие социальной эволюции является неоднозначным и дискуссионным. Однако это не отменяет важности использования данного понятия для анализа долгосрочных и глобальных трендов в историческом процессе, для сравнительного анализа крупных регионов и географически-цивилизационных крупнейших исторических образований (как Восток и Запад) в их длительном и сложном взаимодействии.

Первые научные концепции эволюции природы стали складываться по крайней мере еще два века назад, философские же корни эволюционных идей гораздо старше (см., например: Воронцов 1999; Асмус 2001; Чанышев 1976; 2001). Несмотря на длительность традиции, имеется неадекватно мало трудов, в которых эволюция мира исследовалась бы как единый процесс. Пожалуй, еще меньше тех, где систематизированы общие характеристики, законы и механизмы эволюционной динамики, сделан фундаментальный сравнительный анализ разных эволюционирующих объектов и форм эволюции. Даже история общеэволюционных мышления и метода представлена достаточно скудно, а в энциклопедических изданиях понятиям эволюции и истории общеэволюционного подхода уделено до обидного мало внимания¹. Между тем эволюционный подход (в широком смысле слова) к истории природы и общества остается одним из самых важных и эффективных способов концептуализации и интеграции наших все возрастающих знаний об универсуме (и Мультиверсе)², обществе и мышлении. По нашему глубокому убеждению, есть опасность, что без таких мегапарадигмальных инструментов, как эволюционный подход, ученые вообще перестанут понимать друг друга.

Что же тогда является причиной недостаточного внимания к эволюции и эволюционному учению? Вряд ли только ошибки эволюционистов прошлого, стремящихся все

¹ Мы имеем в виду подход к эволюции как к общенаучной междисциплинарной парадигме. История эволюционных учений и методов применительно к отдельным областям и звеньям эволюционного процесса (особенно в биологии) представлена достаточно широко.

² В современной космологии (но прежде всего в рамках тех концепций, что придерживаются идеи о множестве вселенных) понятие Мультиверса получает распространение, им называют совокупность множества «локальных» вселенных вместе с некоей прасредой, из которой они произошли (Панов 2008б: 14; Казотинский 2012). Универсум в философской традиции – это совокупность объективной реальности во времени и пространстве (*universum*, этимология: от лат. *universitas* – совокупность + *summa rerum* – общее положение вещей). С Нового времени, начиная с Лейбница, утвердился взгляд на универсум как на множество всех возможных миров (как нашего, так и мыслимых в качестве логически возможных). Слово «Вселенная» представляет собой церковно-славянский перевод греческого слова «ойкумена» (Бовин 1960: 299). Оно в современном понимании, складывающемся со времен Коперника и Бруно (Там же), фактически во многом является синонимичным термину «универсум»/*universum* (см., например: Идлис 1985: 8). Неудивительно, что в ряде русских переводов философской литературы, в частности касающихся идей Лейбница, используется именно слово «Вселенная», а не «универсум» (см., например: Фейербах 1974). Таким образом, все три понятия можно в известной мере рассматривать как синонимичные, но в определенных аспектах их все же лучше различать. Кстати будет заметить, что в космологии некоторые исследователи различают понятия «вселенная» и «Вселенная», причем в настоящий момент вселенную (со строчной буквы) они стали отождествлять с Мультиверсом, а Вселенная с прописной обозначает только нашу Метагалактику.

процессы охватить одним вечным эволюционным законом. Такие «перегибы» вполне естественны для начального периода существования многих школ и подходов. Одна из главных причин, как нам кажется, лежит во все углубляющемся противоречии между стремлением к научной глубине, достигаемой узкой специализацией, с одной стороны, и пределом возможностей, отпущенных одному человеку в деле усвоения, охвата и осмысления информации – с другой. Кроме того, в эволюционных теориях, как, может быть, ни в каких других, остро проявляется общее, вечное и в чем-то усиливающееся противоречие между миром и познающим субъектом, которое можно было бы выразить так: как можно познать бесконечную во всех мыслимых аспектах действительность всегда ограниченными и несовершенными способами и средствами? Чем шире охват познаваемой реальности в одной теоретической системе, тем острее может быть это противоречие.

В период неразвитой науки еще можно было надеяться, говоря словами Г. Башляра, на овладение (в смысле познания) реальностью, трактуемой как «вещь», скрытую от человеческого взора броней «явлений» (см.: Башляр 1987: 17–18). Господствующая еще полтора века назад спекулятивная философия исходила из того, что «необходимость в универсальности означает, что во Вселенной имеется сущность, не позволяющая каким-либо взаимоотношениям вне ее самой, что (в противном случае) было бы нарушением ее рациональности. Спекулятивная философия как раз и разыскивает такую сущность» (Уайтхед 1990: 273). Однако сегодня так мыслить уже невозможно.

Если правы К. Поппер и Н. Решер (см., например: Popper 1974; Rescher 1978; Решер 2000; см. также: Садовский 2000), что по каждому конкретному научному вопросу в принципе возможно безграничное число гипотез; если верно, что количество ведущих законов в любой сфере исследования – это открытая система с неопределенным числом членов (см.: Гринин 1998: 35–37; Гринин, Коротаев 2009: 45), то каково может быть число возможных гипотез в эволюционных концепциях? Действительно, колоссальные объемы информации и необходимость владеть сложными научными методами, нужными для построения отвечающих современному уровню знаний эволюционных концепций, делают крайне затруднительной работу на эволюционном поле. Однако если бы человеческий разум всегда отступал перед необъятностью проблем познания, то не было бы ни философии, ни науки, ни современной перспективы развития знаний. Сложность задач, трудность их решения стимулируют поиск новых теоретических и экспериментальных средств, среди которых смелые и масштабные гипотезы, теории и методы всегда играли важнейшую роль. Эволюционизм как сквозная теория, охватывающая исторические изменения природы и общества, как метод, пригодный для анализа многих направленных масштабных процессов, будет занимать в этой борьбе человеческого разума одно из самых достойных мест.

Итак, в прошлом осталось время, когда философы и мыслители могли охватить одной идеей весь универсум, а эпоха великих универсалистов и энциклопедистов, способных делать великие открытия в самых разных областях знаний, вероятно, никогда не повторится. Однако по-прежнему сохраняется большая потребность в концептуальной организации и объединении наших знаний о мире и тяготение к этому у многих исследователей. Как справедливо замечал Э. Шредингер, стало почти невозможным для одного ума полностью овладеть больше чем какой-либо одной небольшой специальной частью науки, но в то же время кто-то должен рискнуть взяться за синтез фактов и теорий (Шредингер 1972: 10–11).

То, что потребность найти современные способы анализа различных крупных и длительных процессов остается достаточно сильной и даже возрастает, неудивительно. Глобальный мир (каковым он становится сегодня) нуждается в глобальном знании. Поэтому делаются глобальные прогнозы развития Вселенной, планеты, общества; появляются гигантские базы данных; исследуются тренды и циклы колоссальной длительности и са-

мой разной природы; все заметнее тенденция к междисциплинарности. Однако по-прежнему ощущается нехватка продуктивных мета- и мегаконцепций и макрометодов, которые позволяли бы исследовать развитие как отдельных крупных областей природы и общества, так и всего универсума в глобальном временном и пространственном масштабах, которые давали бы надежную методiku переходов от глобальных уровней к локальным и объективный инструмент для сравнения разных систем по разным параметрам, которые сделали бы возможным выделять в бесконечном потоке изменений и многообразии феноменов общие черты и тенденции, определять иерархию причин, влияющих на ход изменений, на ход развития.

Нужны, образно говоря, какие-то гносеологические скрепы, чтобы можно было бы увидеть ход развития природы и общества в его единстве. Не так много научных понятий, которые могли бы играть роль таких скреп. Эволюция – одно из этих немногих. Идея эволюции остается также важной путеводной нитью, позволяющей объединять знания и представления о порядке вещей. Разумеется, не стоит впадать в преувеличение, считая вслед за П. Тейяром де Шарденом (1987), что эволюция есть нечто гораздо большее, чем научная теория, что она есть основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Естественно, никакой научный метод не может быть ведущим, ему всегда есть альтернативы; каждый метод и подход имеет ограничения, определенную область применения, достоинства и недостатки, точный учет которых представляет важнейшее методологическое правило, а пренебрежение этим правилом обычно ведет к дискредитации метода (в истории эволюционизма, к сожалению, было много такого рода эпизодов). Однако, с другой стороны, отказ от эволюционного подхода сегодня просто невозможен, поскольку означает отказ от мощного инструмента познания и осмысления масштабных явлений. Этот подход тем более ценен, что эволюционные исследования являются одной из самых плодотворных областей междисциплинарного знания, где могут найти общее поле представители естественных, точных и гуманитарных наук. А отрицать продуктивность междисциплинарных исследований сегодня будут немногие³.

Хорошо осознавая, что эволюционизм (как и любая другая парадигма) имеет свои ограничения, мы предлагаем искать способы их минимизации, а значит, и способы подъема эволюционных теорий на новый качественный уровень, отвечающий современному состоянию науки.

* * *

Одним из наиболее ярких проявлений эволюционного подхода к познанию является универсальный эволюционизм, рассматривающий процесс эволюции как непрерывный и единый процесс – от зарождения Вселенной до современного состояния человечества. Универсальный эволюционизм предполагает, что космический, химический, геологический, биологический и социальный типы макроэволюции имеют генетическую и структурную преемственность (объяснения и примеры такого подхода см., в частности: Моисеев 1991; Назаретян 2004; Панов 2008б; Фесенкова 1994; Christian 2004; см. также: Гринин, Марков, Коротаев, Панов 2009; Марков, Анисимов, Коротаев 2010, 2011; Гринин 2013, 2016а, 2016б, 2017; Гринин, Коротаев 2014; Коротаев, 2020а, 2020б, 2020в; Grinin, Korotayev, Carneiro, Spier 2011; Grinin, Markov, Korotayev 2013, 2014, 2015; Grinin, Koro-

³ Задача способствовать выработке общей эволюционной парадигмы поставлена редакцией междисциплинарного альманаха «Эволюция» (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2009б; 2010; Гринин, Ильин, Марков, Коротаев 2011; Гринин, Коротаев, Марков 2012, 2013, 2014; Гринин, Коротаев 2015, 2016, 2018, 2020; см., в частности, вводные статьи к ним). Вышло уже десять его выпусков. Изданы также семь выпусков аналогичного альманаха на английском языке «Evolution» (Grinin, Carneiro, Korotayev, Spier 2011; Grinin, Korotayev, Rodrigue 2011; Grinin, Korotayev 2013, 2015, 2016, 2019, 2020).

tayev, Markov 2017; Rodrigue, Grinin, Korotayev 2015a, 2015b, 2017a, 2017b; Korotayev, Markov 2014, 2015; Grinin 2018; Korotayev 2018, 2020b; LePoire, Korotayev, 2020; Panov *et al.* 2020)⁴.

Важность такого подхода, с одной стороны, максимально широкого, с другой – научно обоснованного, несомненна и велика. Он стремится охватить в едином теоретическом построении все наиболее крупные ступени изменений Универсума – от Большого взрыва до прогнозов на обозримое будущее, показать, что современное состояние человечества есть результат процесса самоорганизации материи. И все же концептуальные усилия одного исследователя, пусть он обладает колоссальной эрудицией и максимальной научной добросовестностью, имеют естественный предел. Ситуация не меняется радикально, даже если теоретики универсального эволюционизма объединяются в рамках небольших научных школ. Иной уровень объединения усилий эволюционистов на современном этапе развития науки, анализ эволюционных процессов в большем масштабе, чем позволяет одна ее область, требует междисциплинарных подходов, которые могли хотя бы минимально обеспечить операционность используемой терминологии, методов и законов.

* * *

Сопоставление разных типов макроэволюции – крайне важная, но, к сожалению, мало разработанная тема, анализ которой убеждает, что между разными типами макроэволюции существуют не только принципиальные и в целом вполне объяснимые различия, но и определенные черты фундаментального сходства. Однако на чем (каких общих моментах, принципах, положениях) может основываться такое единое поле, позволяющее и с точки зрения строгой науки говорить об общих принципах и механизмах развития от галактик до человеческого общества? На наш взгляд, имеется несколько важных аспектов единства.

Во-первых, есть некие предельные субстанции, выраженные в устоявшихся понятиях, таких как вещество, материя, энергия, информация, время, которые задают общую шкалу для сравнения (как бы ни расходились их трактовки и в современных физико-космологических концепциях, и в применении к тем или иным сферам универсума и формам материи). В рамках этого аспекта уже имеются интересные подходы. В частности, можно упомянуть об идеях астрофизика Э. Чейсона, согласно которому имеется положительная связь между сложностью внутренней организации и удельной плотностью энергетического потока; эта связь выражается в отношении количества свободной энергии, проходящей через систему в единицу времени, к единице ее массы (Chaisson 2001; 2005; 2006; 2014). На этой базе Чейсон пытается выделить единые механизмы космофизической, биологической, социальной и даже духовной эволюции. (Подробнее о достоинствах и противоречиях этого подхода см.: Назаретян 2009; см. также: Spier 2005, 2010.)

Во-вторых, при общих базовых категориях должны быть и общие свойства материи, которые угадываются даже при колоссальных качественных различиях в формах организации и развития этих, говоря философским языком, атрибутов универсума. Причем не исключено, что некие общие свойства вещества в какой-то мере были предзаданы уже в исходном (по современным представлениям, сверхплотном) состоянии материи. В дальнейшем исходные общие свойства материи, с одной стороны, приобретают на каждом

⁴ Хотя различия в понятиях «мегаэволюция» и «макроэволюция» в настоящий момент не проводятся и они вполне могут рассматриваться как синонимы, вероятно, для удобства все же стоит ввести условные градации: называть *мегаэволюцией* весь ход эволюции, все ее этапы и качественные уровни от Большого взрыва до прогнозируемого будущего Разума (или основную часть этого процесса); а *макроэволюцией* – полный ход эволюции в рамках только одной ее области (уровня организации): соответственно можно говорить о космической, геологической, химической, биологической, социальной макроэволюции. В дальнейшем изложении мы будем по возможности придерживаться этого различия.

новом этапе мегаэволюции совершенно особые, специфические формы, а с другой – на каждом ее новом этапе появляются и принципиально новые качества, которые, однако, угадываются на каждом предшествующем этапе в качестве потенциальных.

В-третьих, имеются общие системно-структурные свойства материи⁵, определяющие сходство между разными видами макроэволюции. По выражению У. Эшби, «класс систем чудовищно широк» (Эшби 1969: 129), при этом большинство систем состоит «из физических частей: атомов, звезд, переключателей, пружин, костей, нейронов, генов, мышц, газов и т. д.» (Холл, Фейджин 1969: 253; Hall, Fagen 1956). Во многих случаях мы имеем дело с очень сложными системами, также распространенными повсюду (Хакен 2005: 16), причем несомненна тенденция к увеличению этой сложности по мере перехода от одного уровня эволюции к другому. Но в целом принципы функционирования и развития подобных объектов описываются общей теорией систем, а также принципами самоорганизации и перехода от равновесных состояний к неравновесным. Кроме того, как в живой, так и в неживой природе имеет место сложное взаимодействие открытых систем и внешней среды, которое может быть описано в терминах общих принципов, хотя и существенно по-разному проявляющихся в отношении разных типов реальности.

В-четвертых, есть основание в определенном смысле говорить об общих законах и правилах эволюции (эволюционных процессов), позволяющих рассматривать мегаэволюционную траекторию как единый процесс, а его отдельные этапы – как разные типы макроэволюции, однако существенно сходные по своим тенденциям и направленности и даже отдельным механизмам.

В-пятых, можно говорить об общих векторах мегаэволюции, а также о некоторых общих причинах и условиях перехода от одного уровня организации универсума к другому. Существует ряд очень важных и пригодных для анализа любой фазы мегаэволюции категорий (самоорганизация, состояния устойчивости и хаоса, фазовые переходы, бифуркации и т. п.).

Некоторые из гипотез о таких общих направлениях эволюции представлены в (Цирель 2009), который рассматривает общие паттерны скорости эволюции, и (Назаретян 2009). Последний довольно интересно интерпретирует известную, хотя, к сожалению, и не столь широко признанную, идею о том, что переход к качественно новым состояниям происходит в «узких местах» (своего рода мостиках эволюции)⁶. Возможно, что это связано и с такой чертой эволюции, которую можно определить как более высокую интенсивность качественных преобразований в особых (иногда пограничных, периферийных и т. п.) зонах тех или иных сфер⁷.

Назаретян рисует образ «сужения конуса» эволюции на основании утверждения, что способность к качественной трансформации проявлялась на каждом этапе только у небольшой части соответствующего типа материи: в так называемой «темной материи», составляющей, по современным данным, большую часть метagalacticкой материи, не сформировались атомы и молекулы; лишь небольшая доля молекулярных структур смогла трансформироваться в органические молекулы; весьма ограниченными оказались условия возникновения живого вещества; только одно из множества биологических се-

⁵ Если исходить из современных гипотез, точнее сказать: «у материи, способной к эволюции», поскольку о структуре большей или даже основной части материи («темной материи», или «темной энергии») сказать что-то определенно пока нельзя. Подробнее о ней см., например: Урсул 2011.

⁶ Вероятно, в целом эту мысль можно интерпретировать и как один из принципов эволюционной *мега*парадигмы. Этот принцип находит свое выражение, в частности, и в сформулированных правилах *редкости ароморфозов* и *особых (исключительных) условий для возникновения ароморфозов* (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008, 2009б).

⁷ Ср., например, с тем, что в литосфере процессы эволюции наиболее проявлены в близповерхностной области активного взаимодействия экзогенных и эндогенных факторов, где наблюдаются максимальные градиенты различных параметров среды (температуры, окислительно-восстановительных условий и т. п.), с глубиной уменьшается разнообразие минеральных образований, замедляется темп эволюции (Голубев 1990: 8).

мейств оказалось мостиком к социальной эволюции⁸. Если выразить мысль в гротескной форме, продолжает А. П. Назаретян, то получается, что «на протяжении 13–15 млрд лет мир становился все более “странным”, и наше собственное существование, равно как нынешнее состояние планетарной цивилизации, суть проявления этого “страннейшего” мира» (Назаретян 2009: 124). Однако суждения о том, является ли наш мир «странным», случайным (см., например: Девис 1985; 1989: 266 и др.) или, напротив, закономерным, пока остаются резко полярными (см., в частности: Казютинский 1994), поскольку в настоящее время мы имеем конфликт парадигм, равно трудно фальсифицируемых и верифицируемых, не говоря уже о том, что само понятие закономерного не имеет устоявшейся строгости (см. об этом: Гринин, Коротаев 2009: гл. 1). Современные космологические концепции и гипотезы предполагают диаметрально противоположные идеи. Например, как указывает А. Д. Панов, с одной стороны, в рамках космологической теории «хаотической инфляции» существует не одна вселенная, а практически бесконечное количество, а в рамках физической концепции ландшафта теории струн все эти вселенные могут обладать совершенно разной физикой. Следовательно, в одних вселенных жизнь возможна, в других – нет. Поскольку мы появились именно в той из множества вселенных, в которой жизнь оказалась возможной, «мы наблюдаем “правильный” набор параметров – они были “выбраны” случайно – это называется антропным принципом⁹». Но, с другой стороны, «надо иметь в виду, что как инфляционная космология и Мультиверс, так и соображения, связанные с “ландшафтом теории струн”, могут не иметь никакого отношения к действительности. Возможно, фундаментальные постоянные имеют такие значения, какие они имеют просто потому, что в силу еще не известной нам фундаментальной физики они не могли иметь какие-то другие значения» (Панов 2008а: 54–55).

Можно определить и другие основания, подтверждающие важные принципиальные, условно говоря, сущностные сходства разных эволюционных форм и процессов, которые угадываются в гигантском количественном и качественном разнообразии универсума, живой природы и социальной жизни¹⁰. Но в целом ясно, что можно выделить по меньшей мере пять уровней – аспектов сходства, которые мы формулируем здесь самостоятельно и в своей номенклатуре¹¹:

1) «стартовый», состоящий из минимума общих, возможно, заложенных изначально свойств материи, которые позволяют выделять некий минимальный общий знаменатель (вроде энтропийно-энергетического, способности к самоорганизации) у разных уровней эволюции¹²;

2) «родственно-иерархический», поскольку очевидно, что каждая новая форма эволюции генетически связана с предыдущей;

3) «приспособления-взаимодействия», поскольку разные уровни организации эволюции, во-первых, должны были «подстраивать» свои параметры под уже существующие у предшествующих форм эволюции, а во-вторых, все формы эволюции сосуще-

⁸ Правда, со становлением ноосферы, считает А. П. Назаретян, начался обратный процесс расширения «конуса».

⁹ Антропный принцип, не имеющий общепринятой формулировки, фиксирует наличие связи между крупномасштабными свойствами расширяющейся Вселенной и возникновением в ней жизни, разума, космических цивилизаций (см.: Казютинский 1994, 2012): иногда его трактуют как принцип, объясняющий «невероятно тонкую подстройку Вселенной» (Девис 1985: 133). Проблемам этого принципа посвящен, в частности, ряд статей сборника *Глобальный эволюционизм* (Фесенкова 1994; см. также: Девис 1985: гл. 5).

¹⁰ В частности, многие из явлений, происходящих на различных уровнях эволюции, описываются одинаковыми базовыми моделями; их фазовые портреты тоже одинаковые, что позволяет увидеть общее во множестве очень различных явлений (см.: Чернавский 2004: 83).

¹¹ Нам неизвестно, чтобы общеэволюционные черты сходства формулировались таким образом и в такой системе.

¹² Ср. с утверждением П. Девиса: «Если детальные свойства физических систем можно установить только путем сложного анализа, то их общие свойства определяются преимущественно из нескольких элементарных соображений» (Девис 1985: 14).

ствуют и обоюдно или односторонне зависят друг от друга, а следовательно, идет определенного рода «притирка» между ними;

4) «поведенческий», для понимания которого мы должны выделить некий особый (эволюционно-синергетический) аспект анализа, который показывает, что разные формы материи нередко существенно одинаково ведут себя в определенных условиях: приобретают некоторые похожие структуры, поддерживают их или трансформируются в другие; в их процессах можно увидеть сходные фазы, циклы, ритмы, паттерны; словом, если сосредоточиться только на одном этом аспекте, абстрагировавшись от различий в природе и сложности объектов, то можно сформулировать определенные (но весьма общие) принципы «поведения» объектов различных уровней эволюции;

5) аспект «уровневой направленности», который всегда особенно привлекал эволюционистов, стремящихся определить эволюцию как переход от менее сложного к более сложному, от менее развитого к более развитому и т. п. Носит ли такая направленность межгалактический или только планетарный (локальный) характер, идет ли такое развитие по кругу, разрушая и создавая космические цивилизации, требуется ли для ее объяснения антропный принцип или нет, но несомненно, что такая направленность имеет место на том отрезке мегаэволюции, о котором нынешняя наука в состоянии высказывать какие-либо осмысленные гипотезы. При этом не исключено, что можно говорить и о роде необратимости эволюции.

* * *

Все вышесказанное позволяет теперь перейти к пояснению наших взглядов на то, что мы хотели бы назвать эволюционной *мега*парадигмой. Есть точка зрения, что универсальный эволюционизм основывается на научных данных, но сам является не вполне наукой по своему методу, а своего рода метанаучной дисциплиной (Панов 2010). Действительно, универсальный эволюционизм слишком широк, чтобы быть наукой в точном смысле этого слова. Можно ли его назвать «натурфилософией наших дней» – вопрос дискуссионный, однако в данном случае остающийся за рамками наших рассуждений, поскольку универсальный эволюционизм – лишь одно из ряда направлений в эволюционизме. На наш взгляд, совокупность идей, вокруг которых может формироваться эволюционная *мега*парадигма, существенно шире. Этой концептуальной основой мы считаем сам эволюционный подход к процессам природы и общества. Такой подход, по сути, является эволюционной *мега*парадигмой (именно *мега*-, но не *мета*-).

Полная характеристика этой *мега*парадигмы пока еще не может быть дана, поскольку она находится в процессе складывания, точнее, перехода от менее осознанного к более осознанному и концептуально оформленному состоянию. В настоящем введении мы можем только указать на некоторые ее основные черты. Прежде всего очевидно, что это общая очень крупная парадигма, которая, естественно, при своем применении приобретает специфические особенности в каждом направлении исследования. Но в то же время она имеет, несомненно, нечто общее.

Во-первых, можно говорить об общем предмете, каковым, в частности, будут: общеэволюционные законы, характеристики и принципы; векторы, уровни, ритмы *мега*- и *макро*эволюции; сходство «поведения» разных форм материи в определенных условиях¹³. Если попробовать ответить на вопросы: что является неким специфическим предметом, свойственным прежде всего эволюционистике, что определяет единство эволюционной *мега*парадигмы – можно было бы сказать, что это особого рода процессы: процессы качественной трансформации объектов и структур, в результате которых рано или поздно возникают принципиально новые уровни организации материи с небывалыми

¹³ К их числу относятся, например, паттерны эволюционной экспансии и дифференциации форм, кризисы развития, колебания вокруг определенных «аттракторов», фазовые переходы, те или иные формы самоорганизации, взаимоотношения элементов в рамках внутренней структуры и всей системы с внешней средой и т. п.

свойствами, возможностями и перспективами¹⁴. Таким образом, предметом, вокруг которого строится эволюционная мегапарадигма, являются существенным образом направленные процессы качественной трансформации разного уровня глубины и новизны¹⁵. Эволюционизм «становится научной деятельностью по поиску номотетических объяснений для подобных структурных изменений» (Claessen 2000a: 2). При этом такого рода качественная трансформация описывается целым рядом общеэволюционных принципов, законов и правил (некоторые из которых приведены ниже, а другие могут быть сформулированы).

Во-вторых, статус *мегапарадигмы* определяет и характер законов. Последние выступают как *мегазаконы*, но их необходимо рассматривать не как жесткие зависимости и соотношения, которые обязательно должны быть найдены в определенном классе явлениях, а скорее как некие принципы. Эти принципы достаточно часто (но далеко не стопроцентно) подтверждаются фактами и поэтому помогают давать более адекватное объяснение сложным процессам и явлениям, которые без привлечения тех или иных правил объясняются хуже или менее полно. Но следует учитывать, что значимость каждого из этих принципов может существенно варьировать в зависимости от конкретного изучаемого объекта (космического, биологического или социального).

С другой стороны, для устойчивого функционирования *мегапарадигмы* важно наличие не только верхнего уровня принципов и законов, но и усиление их среднего и нижнего уровней, поскольку именно наличие возможности/методики превращения более абстрактных принципов в своего рода методологические модели, с помощью которых можно создавать более приложимые к определенным аспектам и проблемам предметных исследований правила, делает любую крупную парадигму эвристичной, саморазвивающейся и авторитетной.

В-третьих, *мегапарадигма* предполагает не только возможность определения общих для разных типов макроэволюции закономерностей и правил, но и анализ степени, области, особенностей приложимости конкретных правил к каждому виду макроэволюции. В этой связи совершенно необходимо подчеркнуть, что само по себе сходство в тех или иных чертах, принципах и наличие общих закономерностей разных типов макроэволюции несколько не доказывает их идентичности. Огромная разница может быть и при определенном сходстве, которое только глубже помогает понять эти различия.

В-четвертых, наличие общей терминологической номенклатуры. Выше мы уже рассматривали ряд групп таких терминов, которые характеризуют атрибуты материи, характер ее структуры, паттерны и векторы сложных процессов и т. п., причем повторим, что при анализе мы оперируем такими почти конечными понятиями, как энергия, вещество, информация, система и т. п., что характеризует эволюционный подход именно как *мегапарадигму*.

Однако можно ли говорить о специфических только для эволюционистики группах терминов? Несомненно, хотя, вероятно, их пока недостаточно. Сами термины: эволюция и коэволюция, микро-, макро- и мегаэволюция (характеризующие уровни эволюции); множество понятий с детерминативом *эволюционный* (становящихся специфическими именно для эволюционистики); различные термины, связанные с характеристиками эво-

¹⁴ Здесь мы в целом следуем за данным Ф. В. Воже (Voget 1975: 862) и Х. Й. М. Классеном определением эволюции как процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей/предковой (*ancestral*) формы (Классен 2000: 7; Claessen 1989: 234; 2000a; 2000b). Подробнее на определении эволюции мы остановимся ниже.

¹⁵ Можно выделить по крайней мере три типа (но, вероятно, и больше) качественных изменений: а) ведущие к не особенно важным (или не получившим распространения) качественным изменениям; б) ведущие к более существенным качественным изменениям (например, к появлению нового уровня системности, интеграции); в) изменения особой значимости, появление которых создает возможность для возникновения эволюционно «проходных», постепенно становящихся универсальными, качественных изменений (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2007; 2009: гл. 1; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

люции (скорость, направленность, уровни, формы, типы); группа терминов, характеризующих сферы эволюции: биосфера, ноосфера, техносфера и др.; прогресс и родственные ему понятия; уровни организации; отбор; изменчивость и другие – очерчивают границы этой *мегапарадигмы*. Тем не менее представляется, что для дальнейшего развития эволюционной *мегапарадигмы* таких терминов явно недостаточно. И в этом направлении открываются большие возможности для создания как общеэволюционной, так и межэволюционной терминологии. Отметим, что существующая терминология в рамках эволюционной *мегапарадигмы* по определению междисциплинарна. Поэтому очевидно, что и новые термины будут разностранственными и междисциплинарными.

В-пятых, имеются потенциалы развития кроссдисциплинарных и сравнительных исследований, благодаря которым может быть возможным установление общих методологических и иных черт сходства, а равно установление пределов различий, откроются новые варианты эвристических решений на эволюционном поле. Насколько бы специальными ни были различные проблемы отдельных областей знания, через призму эволюционного рассмотрения всегда можно увидеть возможности междисциплинарного сравнения, творческого заимствования методов, некие общие механизмы, векторы, «приемы», системные свойства, которые в той или иной степени присущи различным формам организации материи, энергии, информации в природе и обществе.

В-шестых, налицо общая проблематика, которая определяется многим из вышесказанного. Например, большая длительность исследуемых процессов во многом уже сама определяет контуры черт сходства и различия в характере разных типов макроэволюции. Работа в рамках эволюционной *мегапарадигмы* также нередко требует рассмотрения таких проблем, как направленность (векторы, тенденции) эволюции, ее скорость, обратимость и т. п. Общее в эволюции требует специального исследования этого общего во всех аспектах: онтологическом, гносеологическом, терминологическом, методологическом. В разработке этого направления видятся большие возможности. Можно упомянуть еще такую специфическую для эволюционистики проблему, как исследование эволюции эволюции, то есть того, каким образом факторы и характеристики эволюции меняются во времени, как меняется их иерархия и т. д. Это направление составляет часть специфического предмета эволюционной *мегапарадигмы*.

В-седьмых, общие методы и методология. Но существуют ли некие методы, специфические для эволюционной *мегапарадигмы*, общие для исследователей самых разных областей эволюционистики? Нам кажется, что они есть. Можно говорить об общих методологических принципах и подходах эволюционистики, связанных с тем, что в любой ее области мы имеем дело с качественно изменяющимися системами, с процессами, которые никогда не повторяются полностью, а только в некоторых своих значимых формах, механизмах и результатах.

В отличие от системного эволюционный метод рассматривает системы и структуры не просто с точки зрения гомеостаза систем и установления равновесия между ними и средой, но прежде всего исследует те особые условия, факторы и причины, которые определяют их качественные изменения и реорганизации. При этом такого рода факторы и причины становятся объектом теоретического анализа в аспекте их обобщения, распространения на более высокие уровни абстракции, иерархизации, выделения общих моделей изменений. В результате формируется общий для эволюционистики аналитический инструментарий.

В отличие от исторического метода эволюционный метод анализа процессов и явлений рассматривает не все временные изменения, а только наиболее важные, качественные изменения и трансформации (реорганизации) и оценивает направление таких изменений, например: являются ли они усложнением или упрощением, новым уровнем эволюции или явлением, аналогичным биологической адаптивной радиации; прослеживается ли историко-генетическая связь или установить ее не удается.

Эволюционный метод отличается и от того метода, который в традиционной философии назывался логическим и противопоставлялся историческому (пара категорий: логическое и историческое). Логическое в спекулятивной философии как бы «очищало» историческое от случайностей, вычленяло сущность. Однако в процессе такого «очищения» логические построения начинали полностью отрываться от реальных фактов, что недопустимо для эволюционного метода (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2009б).

Наконец, существуют общие для эволюционистики эпистемологические аспекты, которые проистекают из особенностей анализа саморазвивающихся процессов; из того, что эволюционные законы представляют собой особого типа законы качественного изменения (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009: гл. 1); что непосредственное наблюдение и эксперимент над сложными развивающимися крупномасштабными объектами и процессами невозможны, а рефлексия над ними представляет собой многоступенчатый, непрямой процесс познания, в колоссальной степени усложненный многозначностью языка и прочими проблемами семиотики. Однако анализ таких гносеологических вопросов мы в настоящей работе опускаем.

Завершая обзор параметров эволюционной *мега*парадигмы, стоит обязательно сказать, что по своему назначению и статусу она обязана, сохраняя верность основным принципам, опираться на доказанные факты или правдоподобные гипотезы, а не просто спекуляции (что позволяет использовать научные методы проверки¹⁶), быть готовой к восприятию новых фактов, часто не укладывающихся в привычные теоретические схемы.

* * *

Среди эволюционистов не стихают (временами резко усиливаясь) споры о возможности и границах применимости эволюционной теории Дарвина к социальной (культурной) эволюции (см., в частности, об этих дискуссиях: Hallpike 1986; Pomper, Shaw 2002; Mesoudi, Whiten, Laland 2006; Anger 2006; Barkow 2006; Blackmore 2006; Mulder, McElreath, Schroeder 2006; Borsboom 2006; Bridgeman 2006; Cronk 2006; Dennett, McKay 2006; Fuentes 2006; Kelly *et al.* 2006; Kincaid 2006; Knudsen, Hodgson 2006; Lyman 2006; Mende, Wermke 2006; O'Brien 2006; Pagel 2006; Read 2006; Reader 2006; Sopher 2006; Tehrani 2006; Wimsatt 2006; Portin 2015; Kleisner, Tureček 2017). Но, к сожалению, в большинстве случаев наблюдается поляризация взглядов, либо почти полностью отрицающих ценность дарвиновской теории для социальной эволюции (см., например: Hallpike 1986), либо, напротив, доказывающих, что культурная эволюция демонстрирует ключевые дарвиновские эволюционные признаки, и поэтому структура науки о культурной эволюции должна разделять фундаментальные черты структуры науки о биологической эволюции (Mesoudi *et al.* 2006). Однако первое достаточно непродуктивно. Если между биологической и социальной эволюцией есть заметное сходство, то почему не использовать до определенного момента наработки эволюционной биологии в социальной науке? С другой стороны, второй подход ведет в методологический тупик. Ведь если у социальной и биологической эволюционной теории существенно разные объекты исследования, то очевидно, что разные объекты будут диктовать и существенно разные методы и принципы исследования.

Мы считаем, что вместо давно устаревшего объективистского принципа «или – или» необходимо сосредоточиться на поиске методик применения достижений биологической эволюционной науки к социальной эволюции. Эти методики должны прежде всего определить те области, уровни, случаи и моменты, в которых допустимо такое использование, а также разумную степень и в целом принципы такого применения. С другой стороны, необходимо очень четко показать, где и в чем методы и выводы биологической эво-

¹⁶ Например, по К. Попперу и Д. Кэмпбеллу (см., например: Поппер 1983; 2000а; 2000б; 2000в; Popper 1974; 1984; Кэмпбелл 2000; Campbell 1974), но, разумеется, не только согласно их мнению.

люции нельзя использовать (о разработке соответствующих методик см., например: Гринин, Коротаев 2007*в*; Гринин, Марков, Коротаев 2008). В целом же мы полагаем, что использование выводов и принципов теории биологической эволюции для анализа процесса социальной эволюции вполне правомерно, допустимо и продуктивно, но только в строго определенных и оговоренных случаях и масштабах.

Мы отталкиваемся от определения *эволюции* как «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» (см.: Классен 2000: 7). Подробнее к анализу этого определения мы вернемся ниже. Исходя из него, о *социальной* эволюции в принципе тоже можно говорить как о процессе структурной реорганизации обществ или институтов во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы, что, как правило, дает такому обществу определенные преимущества (в широком смысле) в его взаимодействии с природной или социальной окружающей средой.

Однако главной темой монографии является не вся эволюция, а только ее часть, точнее, особый тип социальной эволюции, которую мы считаем возможным назвать **социальной макроэволюцией**. Мы рассматриваем социальную макроэволюцию как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются надсоциумные *ароморфозы* высших типов. Напомним, что под ароморфозами ряд отечественных биологов-эволюционистов вслед за А. Н. Северцовым (1939, 1967) понимают появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые в дальнейшем приобретают достаточно или даже очень широкое распространение, позволяют организмам выйти на более высокий уровень организации, дают возможность расширить использование внешней среды; речь идет также и о направлениях эволюции, ведущих к формированию указанных признаков (см., например: Северцов А. С. 1987: 64–76). Такую макроэволюцию логично будет обозначить как арогенную. Под арогенезом некоторые биологи-макроэволюционисты (см., например: Тахтаджян 1966) понимают специфическую форму макроэволюции, ведущую непосредственно к ароморфозам, то есть, говоря иными словами и несколько упрощая, очень длительный процесс качественных морфофизиологических изменений, своего рода цепь ароморфозов, вытекающих, в конечном счете, один из другого. В принципе, как общая составная макроэволюционная линия, такой процесс вполне просматривается. Мало того, методологически и эвристически его выделение имеет большие преимущества. Однако необходимо сделать важное уточнение, о котором более подробно мы говорим в другой своей работе (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 39). Дело в том, что, как указывает А.С. Раутиан (1988, 2006), такой процесс невозможен без смены модуса, то есть ароморфные потенции каждого определенного таксона (равно как и социума) ограничены. Поэтому, как правило, новые ароморфозы не могут возникать в уже претерпевших ароморфные изменения таксонах, а начинаются в новых таксонах (социумах) и даже в новых филогенетических линиях. С учетом указанного ограничения в дальнейшем мы для обозначения процессов «подготовки», возникновения и распространения ароморфозов будем использовать термин «арогенез».

В качестве примеров биологических ароморфозов можно привести такие эпохальные изменения, как переход от одноклеточных организмов к многоклеточным; переход к жизни на суше; переход от дыхания кислородом, растворенным в воде, к дыханию атмосферным воздухом и весь сложный круг преобразований внутренних органов, связанный с этим; образование четырехкамерного сердца при переходе от рептилиеподобных предков к млекопитающим и т.п. (см., например: Северцов А. С. 1987). Для характеристики эволюционных изменений частного (не универсального) характера или не ведущих к усложнениям (упрощениям) организмов биологи-эволюционисты используют понятие *идеоадаптации*. Оно дифференцируется на *алломорфоз*, то есть преобразование организации без повышения или упрощения ее сложности, и *специализацию*, то есть выработку

узких, односторонних приспособлений (см.: Шмальгаузен 1939, 1969; Матвеев 1967; Северцов А. С. 1987).

Поскольку в теории социальной эволюции подобная классификация эволюционных изменений отсутствует, мы считаем, что использование этих терминов (с учетом, разумеется, специфики социальной эволюции, о чем будет особо сказано) может оказаться достаточно продуктивным (см. также: Коротаев 1997б, 2003в; Гринин, Коротаев 2007в; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

В этой главе и в дальнейшем мы, однако, будем использовать эти термины с детерминативом *социальный*, чтобы показать не только сходство, но и отличие процессов биологической и социальной эволюции. Везде, где прилагательное «социальный» в отношении социальных ароморфозов, идиоадаптаций и т.п. опущено, оно, тем не менее, подразумевается.

Стоит заметить, что уже в биологической эволюции от ароморфоза к ароморфозу растет и вероятность возникновения последующих ароморфозов (Северцов А. С. 1987: 73), в социальной же эволюции это свойство усиливается на порядки. Важно, что биологи акцентируют внимание на том, чтобы различать более и менее крупные ароморфозы. Этот подход получил широкую поддержку (см., например: Шмальгаузен 1939, 1969; Матвеев 1967; Завадский 1968; Завадский, Жердев 1971; Иорданский 1977, 2001; Северцов А. С. 1987). По мнению А. С. Северцова, разделяемому другими, лишь оценка преобразований организации с точки зрения широты (расширения) адаптивной зоны, которую эти преобразования позволяют занять потомкам по сравнению с предками, дает возможность судить о направлении эволюции данного таксона. Предлагаемый критерий позволяет учитывать также наличие более или менее крупных ароморфозов (Северцов А. С. 1987: 65). Методологически такой подход очень важен и для оценки степени значимости социальных ароморфозов, которые можно классифицировать по объему и уровню распространения, а также по степени влияния на ход социальной макроэволюции. Ниже мы используем такой методологический подход, который имеет и еще одно важное преимущество: он дает возможность выделить в общем процессе социальной эволюции макроэволюцию, с которой, как уже сказано, мы связываем разворачивание важнейших эволюционных изменений на базе появления наиболее перспективных социальных ароморфозов.

В результате социальных ароморфозов: а) повышается уровень сложности обществ и увеличиваются возможности для них расширить (изменить) природную и социальную среду их существования и функционирования (в виде, например, роста населения и/или производства), а равно степень их устойчивости в отношении влияния среды; б) увеличивается скорость не разрушающих общественную систему развивающих изменений, включая скорость заимствований; в) растет степень интегрированности обществ, создаются особые стабильные надсистемы (например, цивилизации, экономические и военные союзы) и надобщественные зоны, центры и особые надсоциумные сферы, не принадлежащие ни одному обществу в отдельности; г) увеличиваются темпы эволюции в направлении создания сверхсложных предельных суперсистем (мир-систем, человечества), в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью такой сверхкрупной системы и развивается в ее рамках за счет специализации и особого внутрисистемного разделения функций.

В качестве примеров социальных ароморфозов можно привести: переход к производящему хозяйству; появление государства; возникновение письменности; переход к металлургии железа; появление мировых религий; становление национального рынка и т. п.

Социальные ароморфозы, характеризующиеся прежде всего пунктами «в» и «г», мы будем относить к социальной *макроэволюции*. Стоит особо отметить, что если в социальных эволюционных и тем более микроэволюционных процессах, как правило, преобладают одноуровневые и/или достаточно частные (то есть идиоадаптационные) эволю-

ционные составляющие, то на социальном макроуровне особую роль начинают играть более чем одноуровневые (и потому в плане развития более важные) «восходящие» изменения, то есть социальные ароморфозы.

Сразу же скажем несколько слов о соотношении понятий «эволюция» и «развитие». Дело в том, что на макроуровне понятия «социальная эволюция» и «эволюционное развитие» очень сильно пересекаются. Ведь в процессах социальной макроэволюции, ведущих к появлению принципиально новых социальных макроформ и макросистем (таких как, скажем, переход от аграрно-ремесленных обществ к индустриальным, становление многообщинных политических систем, формирование сложной иерархии поселений или возникновение Мир-Системы с серией ее дальнейших последовательных трансформаций), составляющие *развития*, как правило, имеют уже заметно более важное значение, чем идиоадаптационные составляющие. Фактически без развития, в том числе без движения, по Спенсеру, «от бессвязной однородности к связанной разнородности», без двуединого процесса дифференциации и интеграции подобного рода макроэволюционные сдвиги просто невозможны. Конечно, в некоторых макроэволюционных сдвигах (например, при переходе к тоталитарным «социалистическим» системам) одноуровневые (и даже в некоторой степени дегенерационные) составляющие могли преобладать над арогенными. Таким образом, могут быть качественные трансформации, не сопровождающиеся значимым ростом сложности социальных систем или уменьшением их сложности¹⁷. Вместе с тем если мы хотим изучить макроэволюционный процесс, в результате которого мир, населенный относительно простыми группами охотников-собирателей, превратился в современную сверхсложную постиндустриальную Мир-Систему, наибольший интерес для нас все-таки представляют именно те макроэволюционные сдвиги, в которых преобладали составляющие развития.

* * *

В настоящей работе для общества (и социального организма как его синонима) мы принимаем следующее определение. Общество – это особая социально-политическая саморегулирующаяся система, способная поддерживать равновесие со средой и представляющая стабильное и политически в достаточной мере независимое от других общественных систем объединение людей, коллективов, групп, организаций, территориальных и иных единиц, а также материальных объектов на основе разнообразных и сложных связей (см. анализ понятия общества: Гринин 1997в: 22–25).

Наконец, необходимо сделать уточнение относительно понятий «история», «историческое развитие», «исторический процесс», которые нередко неправомерно используются как синонимы. Между тем следует учитывать, что первый термин гораздо объемнее двух остальных (см. подробнее: Гринин 2003: 18, 30–31; 2006а). Ведь история – это широкий контекст, включающий не только развитие, но и неэволюционное функционирование социальных систем, упадок, застой, круговорот, уничтожение, качественные трансформации, не сопровождающиеся значимым ростом сложности социальных систем (то есть развитием) или уменьшением их сложности и т. п. Исторические развитие и процесс могут быть поняты лишь в рамках такого контекста, но они не равны ему по объему. В этой работе речь идет главным образом именно о развитии и даже уже – о процессе эволюционного развития (отметим, что в отечественной биологии нашему

¹⁷ Например, переход от матрилинейной родовой организации к патрилинейной (см., например: Мердок 2002); от частной собственности – к государственной; от экстенсивного земледелия – к экстенсивному скотоводству и т. п. Кстати сказать, в отечественной биологии под развитием не обязательно понимается усложнение, может быть и «развитие в сторону упрощения», хотя, на наш взгляд, такое использование термина «развитие» не совсем оправдано. И не случайно оно не получило распространения в мировой биологической науке. Развитие, связанное прежде всего с усложнением, в отечественной эволюционной биологии называют «морфофизиологическим прогрессом». В социальных науках под развитием все-таки обычно понимают именно усложняющее развитие, которое в принципе можно в ряде случаев рассматривать как синоним социального прогресса (о социальном прогрессе см. подробнее: Гринин 1997б, 2003б, 2007н; Кортаев 1997б).

понятию «эволюционного развития» будет скорее соответствовать понятие «морфофизиологический прогресс»).

Таким образом, на любом поле исторического исследования в определенном плане или смысле мы всегда имеем дело не с уникальными фактами и событиями, а с более или менее упорядоченными временными и событийными процессами (причем сложным, косвенным образом установленными и дополнительно интерпретированными), что до известной меры сближает предмет исследования историков и тех, кто исследует на базе исторических данных более явные и длительные процессные последовательности. Это также делает необходимой разработку методологии, с помощью которой можно представить историю как совокупность различных по характеристикам процессов, а в целом – как единый процесс (исторический процесс [см., например: Гринин 2003; Гринин, Коротаев 2009: гл. 2]).

В настоящее время, как уже сказано выше, активно исследуются самые разные временные последовательности, «волны», «циклы» и т. п. При этом, на наш и ряда исследователей взгляд, в области социальной эволюции особый интерес представляют наиболее длительные по времени циклы, тренды и последовательности (например, прослеживаемая на протяжении многих тысячелетий демографическая, производственная и иная динамика Мир-Системы и исторического процесса в целом [см. подробнее: Гринин 2003; Гринин, Коротаев 2009]). Мы считаем, что от масштаба, длительности, «оформленного» или стохастического характера изменений, от распространенности, изученности и т. п. явлений во многом зависят выводы о характере самого исторического развития – является ли этот характер детерминированным, случайным, закономерным, причинным, линейным, нелинейным, вероятностным, циклическим, бифуркационным и т. п. При этом чем более активно будут обнаруживаться различные повторяемости и сходства в самых разных по характеристикам и длительности временных и событийных рядах и между ними, тем лучше удастся увидеть фундаментальные сходства в различных исторических и социальных процессах, глубже понять природу и особенности того огромного событийного поля, которое называют историей и социальной эволюцией.

Исходя из сказанного, мы сосредоточились даже не на эволюционных, а на макроэволюционных процессах, при этом показываем, как связаны такие процессы и макроход истории с особыми, узловыми, переломными инновациями, которые мы назвали социальными ароморфозами. Таким образом, упрощенно говоря, социальная макроэволюция может быть представлена как особое «инновационное» измерение социальной эволюции. Тут кстати заметить, что современная постнеклассическая наука все заметнее сосредоточивается именно на исследовании уникальных, переломных, бифуркационных и прочих нелинейных процессов, в которых особую значимость приобретают именно неповторимые, уникальные, в какой-то мере случайные события, но ставшие релевантными для макроэволюции, изменив ход дальнейшего развития¹⁸. Однако такая «постнеклассичность» имеет сходство с методом историографии, поскольку в истории значимые, но, казалось бы, случайные или маловероятные события, совершившись, далее становятся данностью, которая определяет будущую последовательность событий или, по крайней мере, придает ей особый вид и характер.

Таким образом, история и макроэволюция имеют, возможно, неожиданно много общего не только в предмете, но и в способе представления явлений, в историческом взгляде на ход процессов, в результате того, что и там, и там реализуется лишь одна из многих возможностей. Определение же степени подготовленности, закономерности/случайности, вероятности и т. п. данного варианта совершения событий,

¹⁸ Поэтому справедливо считается, что в постнеклассической науке на смену таким постулатам классической науки, как простота, устойчивость, детерминированность, выдвигаются постулаты сложности, вероятности, неустойчивости. Синергетика является в этом плане одним из самых ярких примеров постнеклассической науки.

равно как степени его влияния на последующий ход развития, и составляет важнейшую часть работы как историка, так и эволюциониста. При этом в обоих научных направлениях следует также видеть не просто причинно-следственные связи, но гораздо более сложные нелинейные зависимости и взаимосвязи, в том числе положительные и отрицательные связи первого, второго и более высокого порядков.

Исторический отбор и ароморфозы

На протяжении многих тысяч лет социальное развитие происходило относительно медленными темпами, напоминая на сравнительно не слишком длительных временных интервалах движение монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Тойнби 1991). И в то же время это был тяжелый и разрушительный процесс, в результате которого методом естественно-исторического отбора с помощью бесчисленных проб и ошибок, гибели, поглощения и уничтожения неудачных или неэффективных форм постепенно выявлялись удачные и эффективные. Выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был наиболее сильным, энергичным, сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие» – защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Исторический «естественный» отбор (как, впрочем, и биологический) поэтому неразрывно связан со случайностями. Таким образом, упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для реализации неких потенциалов, а различные контакты и взаимодействия способствовали распространению того, что доказывало себя наиболее эффективным. В ходе такого отбора, интеграции и конкуренции в редких случаях появлялись и ароморфные инновации, которые потом часто длительными и сложными путями усовершенствовались (обычно уже в других обществах) и более или менее широко распространялись. При этом чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений.

Вопрос о том, почему вообще и почему в данной конкретной пространственной и временной локализации, а также каким образом происходили такие качественные рывки и трансформации; почему они происходили в одних и не совершались в других обществах; чем отличается качественная эволюция от обычных изменений и т. п. продолжают оставаться остро дискуссионными как в исторической науке, так и в эволюционной теории.

Теория социальной макроэволюции и социальных ароморфозов позволяет анализировать эти проблемы более продуктивно. Но чтобы увидеть это, необходимо остановиться на распространенных подходах в отношении к переходу к принципиально *новому, т. е. до этого времени неизвестному вообще или в отношении данного общества качеству/состоянию, уровню*. Стоит повторить, что такой переход, особенно если он происходит впервые (или независимо) в макроэволюции, и есть возникновение и распространение социального ароморфоза. Мы полагаем, что крайне важно отказаться от представления, будто такой переход к новому состоянию есть процесс изменений, в основных своих моментах запрограммированных предыдущим развитием и лежащих «внутри» обществ, подобный последовательным стадиям онтогенеза (т. е. в нормальных условиях приводящий к превращению зародыша во взрослую особь на основе разворачивания генетического кода). Ведь любой генетический код (если только он не подвергся значимой мутации) обеспечивает развитие только по известным уже и тысячекратно опробованным образцам. Мало того, он препятствует любым, тем более качественно новым изменениям, он ведь и призван не допустить отклонения от программы. Общеизвестно, что генетические мутации обычно возникают при отклонениях внешних условий от нормы и абсолютное большинство из них нейтральны или вредны. Эволюционное же

развитие, т. е. продвижение социальных организмов к приобретению нового, до этого момента неизвестного ароморфного качества, всегда связано с появлением «новизны», особенно с появлением новых, в той или иной степени небывалых прежде проблем (для данного социума или даже Мир-Системы в целом), таких, например, как резкий рост населения до неизвестного прежде уровня, острая нехватка земли, появление опасных врагов, раскол и гражданская война в прежде мирных социумах, резкое социальное расслоение, небывалое ухудшение экологической ситуации, обвальное нарастание количества информации и т. д. И тут стоит обратить внимание на огромную роль внешних факторов среди этих проблем или вызовов. К сожалению, этот аспект вопроса все еще недоучитывается как в отечественной, так и в зарубежной науке. Например, распространена тенденция преуменьшать роль войн и завоеваний в процессе образования государственности. Так, согласно Х. Й. М. Классену, войны и завоевания в процессе образования государства играли менее важную роль, чем идеология или социальная стратификация (Claessen 1989; 2000a; 2002; Классен 2006). Советской же науке и вовсе был свойствен принцип приоритета внутренних процессов перед внешними. Так, Л. Е. Куббель полагал, что необходимо отстаивать «тезис об определяющем значении внутренних факторов в процессе становления классового государства» (Куббель 1988: 214, 230). Даже некоторые принципиальные критики советского наследия в отечественном обществоведении полагают, что только «внутренние метаморфозы первобытных социумов» есть закономерные процессы. А межплеменные конфликты и войны, хотя они на практике и имели широкое распространение, следует расценивать как незаконмерные (Хоцей 2000: 42)¹⁹.

Однако только новых вызовов для серьезных изменений явно недостаточно. Дело в том, что большинство обществ «отвечают» на новые проблемы старыми, привычными, опробованными способами. Естественно, что такие «ответы» не всегда являются эффективными. В результате множество социумов гибнет, исчезает, теряет самостоятельность.

Так, после ухода в 410 году н. э. из Британии римских войск бритты (романизированные британские кельты) в поисках защитников от набегов ирландских и шотландских варваров пригласили к себе саксов и дали им землю (осуществив тем самым определенную социальную инновацию, впрочем, уже неоднократно апробированную в римском мире с его практикой «воевать против варваров руками варваров»). Но саксы, увидев слабость британцев, вскоре перестали повиноваться местным властям и в конце концов вместе с англами и ютами стали хозяевами в стране. А бритты, несмотря на долгое и упорное сопротивление, были частично изгнаны, а частично уничтожены или поработены. Поэтому в Британии вместо «бриттского» государства появились варварские англосаксонские королевства (Blair 1966: 149–168; Мельникова 1987: 8–11).

Но иногда социальные организмы все же вынуждены отвечать действительно новому; порой так случается помимо их желаний. Конечно, и такие новые ответы далеко не всегда разумны, эффективны и удачны. Ведь путь к новому, тем более эффективному новому, – путь неизвестный, неведомый, на ощупь. Значит, ошибки, в том числе неоправимые, неизбежны. Оттого-то столь часто в истории общества гибнут или клонятся к упадку. Поэтому мы сформулировали «правило особых/исключительных условий для возникновения ароморфоза» (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 41–45), *согласно которому для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение внешних и внутренних факторов, т. е. новых вызовов и новых удачных на них ответов* (см. подробнее: Гринин 2003: 52–53; 2007в: 7–10, 56–60; Гринин, Коротаев 2007; 2009: гл. 1).

¹⁹ Подробнее критику подобных подходов, а также вопрос о роли войн и других внешних факторов в процессе образования государства см.: Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2008; Grinin 2003. Но подчеркнем, что разделение на внешние и внутренние факторы в чем-то условно, поскольку внешние в одной системе координат силы в другой системе становятся внутренними (подробнее см.: Гринин 2007г; Коротаев 1997; 2003).

Все ли общества проходят одинаковые стадии развития?

Механизмы действия социальной эволюции достаточно часто представляют однотипными и в изменении отдельного общества на небольшом отрезке, и в глобальных трансформациях мир-систем и всего человечества на протяжении огромных временных периодов. Это распространенный недостаток взглядов на сложные процессы в общественных науках, и именно с таких позиций нередко пытаются анализировать общественные законы, движущие силы исторического процесса, прогресс и т. д. Имманентно многие обществоведы при таком анализе подразумевают: если уж признавать действие какого-то фактора ведущим, то везде, всегда, в каждом эпизоде, в каждой клеточке общества. В результате получается абсурд.

Такой подход есть замаскированное представление о том, что эволюционные законы должны касаться всех социальных организмов в одинаковой степени и в одних и тех же проявлениях, что основное изменение идет именно на уровне организмов²⁰. Но это не совсем так. А в отношении важнейших, критических, ароморфных изменений тем более совсем не так. «Претенциозное утверждение, будто бы каждый народ должен пройти через какую-то представленную в нашей истории стадию, прежде чем достигнуть того или иного пункта, более невозможно поддерживать», – справедливо утверждал еще в начале прошлого века Роберт Х. Лоуи (Lowie 1920: 441). Сорок лет назад Теодор Шидер с горечью отмечал, что эволюционная схема, в соответствии с которой все народы и культуры проходят одни и те же ступени развития, возникла еще в XVIII веке, но, хотя она не соответствует результатам исследований, до сих пор оказывает на отдельные науки, такие, например, как этнография, громадное воздействие и устраняется с чрезвычайным трудом (Шидер 1977: 161). То, что подобные мысли высказывались много десятилетий назад, а вопрос по-прежнему остается актуальным, свидетельствует о том, как медленно в социальной науке решаются некоторые проблемы.

В целом в общеисторическом плане только незначительное меньшинство ответов на вызовы было способно стать источником системных ароморфозов. А значит, большинство обществ было не в состоянии перейти на новый качественный уровень: у них отсутствовали необходимые потенции, или в их конструкции существовали некие «дефекты», или система была слишком жесткой, чтобы легко трансформироваться, либо требовались такие условия, которые никак не возникали; могло это происходить и по иным причинам.

Поэтому взгляд, согласно которому все общества и народы имеют одинаковые стадии развития и различаются только временем их прохождения, принципиально неверен. Эволюция – это, образно говоря, не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении и самостоятельно все, а самый сложный лабиринт, выход из которого без заимствований находят лишь некоторые (и то только на каком-то определенном этапе, а в конечном счете найти «выход из лабиринта» совсем без всяких заимствований не смогло ни одно общество). Иными словами, далеко не каждое конкретное общество является повторением в малом масштабе общего эволюционного развития, а только некоторые из них и лишь на отдельных периодах макроэволюции (и то с большими оговорками). **Дело в том, что эволюционный прорыв к качественно новому уровню (ароморфозу) в одном месте (обществе) может состояться только за счет гибели, стагнации, движения вбок и т. п. массы других обществ.** Данный принцип был сформулирован нами как «правило платы за ароморфный прогресс» (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008: 80–81).

Это можно подтвердить, скажем, на примере образования государства. Потребовались тысячелетия, чтобы эволюционные преимущества этой новой политической формы

²⁰ Между тем очевидно, что во многих случаях главные изменения идут на уровне крупных групп (кластеров) обществ, внутри которых только и могут выделиться особые проходные социумы, которые становятся первоходцами, гегемонами или образцами для подражания.

ясно выявились, и она стала господствующей. Но при этом десятки тысяч политических организмов исчезли как самостоятельные, навсегда потеряв шанс ими стать.

Почему, допустим, соседи Руси – печенеги и половцы – так и не создали государства? Почему не возникло государство у галлов, хотя по уровню культуры, численности населения, развитию городов и торговли они заметно превосходили многих других, например саксов и англов, захвативших Британию? (Об очень высоком уровне развития доримской Галлии см., например: Chadwick 1987; Тевено 2002.) Приведем и более близкую аналогию. Были ли в рамках Мир-Системы позднего Средневековья и начального периода Новой истории (XV–XVIII века) неизбежными процессы объединения мелких, близких в этническом отношении политий (княжеств, герцогств, курфюршества, городских республик и т. п.) в крупные централизованные государства? Несомненно. Однако в Италии и Западной Германии таких государств в этот период не сложилось. И появились они много позже уже под определяющим внешним влиянием. А в Польше, например, сильная королевская власть так и не была создана никогда. Для россиян также не лишним будет напомнить, что наша собственная страна отклонилась от, казалось бы, неизбежного (в контексте общей эволюции Мир-Системы XIX–XX веков) развития в сторону современной демократии и укрепления частной собственности. Да и сегодня процесс глобализации резко делит страны и народы на тех, кто будет играть важную роль в новом глобализующемся мире, и тех, кто будет (по крайней мере, на протяжении ближайших десятилетий) преимущественно объектом глобализационных изменений.

Таким образом, хотя вполне правильно считать государство неизбежным результатом социальной эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане – в той мере, в какой речь идет о государстве как итоге длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора и т. п. Другими словами, это верно в целом для ведущей линии развития человечества. **Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным (особенно для тех периодов, когда оно еще не было абсолютно господствующим институтом).**

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, стоящих перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими из прежних отношений и традиций. А сделать это достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому многие общества и шли собственной дорогой, которая, однако, нередко вела к иным результатам, в частности к сверхразвитию прежних тенденций (см., например: Гринин 2007б; Grinin 2003; Гринин, Коротаев 2007; 2009: Экскурсы 6) или к становлению принципиально новых форм сложной политической организации, качественно отличной от государственных систем (см., например: Коротаев, Крадин, Лынша 2000). Подобное развитие могло вести, например, к крайней сакрализации правителя; к сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий; к усложнению сетевых горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных и социальных различий (кастовая система); к созданию конфедераций племен, гражданских общин или городов без сильной центральной власти (но с эффективными альтернативными механизмами межсоциумной интеграции), или к другим моделям. При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами (подробнее см.: Гринин 2007б; 2007в; Grinin 2003; 2004; Гринин, Коротаев 2009: Экскурсы 3–6).

Нередко судьба отдельного общества зависит и от случайностей, особенно в периоды неустойчивых, бифуркационных его состояний. В частности, в моменты появления государств и других сложных политических систем в массе изменяющихся обществ могли возникать своего рода зоны бифуркации, в которых те или иные, казалось бы, не слишком значительные события могли сыграть решающую, а то и роковую роль. Так, например, Чингисхан еще до провозглашения его верховным ханом несколько раз чудом

избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников. Но мало ли ханов было убито? Однако погибни этот – и гигантской империи не возникло бы. Ведь история кочевников говорит, что порой проходили сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48). В Новое время бифуркационные состояния особенно часто возникали в период революций, во время которых роль личностей и с ними связанных случайностей возрастала необыкновенно (см. подробнее: Гринин 2008).

Таким образом, с одной стороны, любой эволюционный скачок подготавливается всем предыдущим развитием и опытом за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия макроэволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой, где и как это произойдет – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Следовательно, хотя конкретная инновация или даже эволюционно значимый ароморфоз (адаптированный затем целым рядом обществ) очень часто появляется в каком-то конкретном обществе в конкретное время и в результате особых условий, очевидно, что причины и условия появления этого эволюционного изменения нельзя искать только в особенностях породившего его социума. Какие бы особо благоприятные условия в данном обществе для рождения социального ароморфоза ни создались, данные условия всегда подготавливались развитием множества других предшествующих и современных ему обществ, даже если их усилия были неудачными или неосмысленными. А часто они подготавливались как раз такими неудачными поисками новых путей (в этом, собственно, и заключается вышеуказанное правило «платы за ароморфный прогресс», а также здесь можно использовать и сформулированное нами «правило ароморфной эстафеты» [Гринин, Марков, Коротаев 2008: 37–39]).

Социальная макроэволюция в нашем понимании – это особое измерение социальной эволюции, включающее в себя серию наиболее важных, рубежных трансформаций, приведших к возникновению и развитию Мир-Системы (и, соответственно, теория, которая сосредоточивается на их анализе). Генезис Мир-Системы и ряд дальнейших ее изменений относятся к узловым элементам социального макроэволюционного процесса; более того, появление Мир-Системы явилось не только важнейшим итогом всего предшествующего хода социальной эволюции, но и стало в известной мере рубежом, за которым уже совершенно необходимо различать социальную макроэволюцию в качестве особой надобщественной части социальной эволюции (то есть части, которая не относится уже к уровню только отдельно взятого общества). Основные тенденции макроэволюции, такие как необратимость эволюции, ее особая направленность, вариативность, находят свое выражение как в чертах системности, так и в трансформациях Мир-Системы.

Вопрос о соотношении развития Запада и Востока является предметом дискуссий уже более двухсот лет, по данному поводу имеется огромное количество научной литературы. Поэтому, естественно, мы могли затронуть только некоторые аспекты этой проблемы.

Наше исследование во многом диктовалось желанием осмыслить исторический путь Востока, ход социальной эволюции, исторического процесса и их важнейших аспектов, не просто используя основные современные теоретические подходы, а используя их комплексно, поскольку именно комплексный подход может быть наиболее продуктивным для решения подобных крупномасштабных научных задач. В данной монографии мы пытались в разумной мере интегрировать разные социальные теории и подходы, включая и опыт математического моделирования в социальных науках (особенно в экономике и демографии), а также привлечь достижения других наук, в частности биологии. Насколько это получилось, судить читателям, однако нам представляется важной сама попытка объединить в избранной области исследования наиболее продуктивные,

с нашей точки зрения, подходы теоретической истории, культурной и политической антропологии, мир-системной и эволюционной теорий.

О некоторых методах исследования и терминах, используемых в этой монографии

В историческом процессе в прошлом, равно как и в настоящее время, одновременно действуют самые разные, часто полярные, противоположные тенденции, например, к универсализации и дифференциации, к единообразию и усилению разнообразия, конвергенции и дивергенции. Это вполне закономерно для столь сложных и масштабных процессов. Б. С. Ерасов прав, когда пишет, что антиномия мироведческих и цивилизационных исследований отражает различные измерения мировых процессов: «...мир един и разнообразен» (Ерасов 1998: 536).

Таким образом, совершенно невозможно с надлежащей глубиной анализировать ход исторического процесса, не используя различные методы, позволяющие исследовать надобщественные и надцивилизационные процессы. И хотя среди этих методов мир-системный является весьма продуктивным, его ни в коем случае нельзя рассматривать ни как единственный, ни как универсальный. Он имеет существенные недостатки, особенно в определенных своих модификациях, например в версии И. Валлерстайна (о слабых местах некоторых модификаций мир-системного подхода см. ряд материалов в книге Б. С. Ерасова [1998]²¹; см. также: Следзевский 2002)²². Иными словами, ни один метод анализа мы не считаем пригодным для решения всех проблем. Методы выбираются исходя из научных задач. Как справедливо указывал Г. Башляр (1987: 124), «метод образует единство с его применением». С другой стороны, в определенной степени также прав В. А. Попов, указывая, что методология существенно влияет на логику исследования (Попов 1990: 13).

Поэтому в данном исследовании мы используем целый ряд методов в их взаимодействии: исторический, историко-генетический, сравнительно-исторический, факторный, метод системного исследования, различные абстрактные методы генерализации (периодизации, систематизации, классификации и т.п.) и мн. др. Но с учетом специфики исследования важно подчеркнуть, что в этой книге мы очень активно используем метод эволюционного исследования, который заключается в том, чтобы показать не просто генезис и развитие тех или иных явлений и институтов, но и каким образом на каждом значимом уровне развития возникали эволюционные альтернативы тем формам, которые впоследствии стали эволюционно проходными; какие формы аналогов ведущей (ретроспективно) линии появлялись, как они взаимодействовали, конкурируя, подавляя друг друга и обогащаясь, переходя друг в друга; какие факторы способствовали появлению тех или иных форм; как сочетаются уровни социальной эволюции надобщественный (вплоть до мир-системного и общечеловеческого) и на уровне общества (социума) и т. д.

В главе 5 мы подробно остановимся на своей трактовке понятия «Восток» (которое, впрочем, в основе своей несильно отличается от общепринятого). Здесь только кратко скажем, что понятие «Восток», несмотря на его широчайшее использование, всегда вызывает трудности, даже если оно не несет никаких особых коннотаций. Несмотря на то, что сегодня чаще сравнивают Запад и неЗапад (что мы также делали Гринин, Коротаев 2016 и делаем в некоторых главах этой книги), но понятия Запад и Восток в плане социальной эволюции никак не устарели, они по-прежнему являются продуктивными и эвристическими, хотя, как и в отношении многих других широких терминов, той же социальной эволюции.

²¹ Особенно главу XVII «Цивилизации и мировые системы», в которой, в частности, дан анализ взглядов исследователей, принадлежащих к разным интеллектуальным лагерям, таких как М. Мелко, С. Сандерсон, Т. Холл, В. Рудометоф, Р. Робертсон.

²² Подробнее о достоинствах и недостатках мир-системного и цивилизационного подходов см.: Гринин, Коротаев 2009а.

Мы используем понятие «восток» как бы в нескольких измерениях, показывая ретроспективную эволюцию содержания того объекта, который покрывается этим термином (а уже на более близких к нам исторических периодах и изменение смысла собственно термина). Сначала это только регион будущего Востока – протоВосток, развивающийся и растущий в течение нескольких тысячелетий; затем это исходный – древний Восток, наконец, в первом тыс. до н.э. это уже Восток (Азия) противостоящий Западу (Европе); далее в конце первого – начале второго тыс. н.э. это сильно идеологизированное противопоставление христианского Запада (Европы) мусульманскому Востоку (Ближнему Востоку); далее это противопоставление бедной, но активной Европы богатому Востоку (всему Востоку), богатства которого нужно тем или иным способом получить; наконец, это передовая Европа и отсталая (застывшая), но все еще очень богатая Азия, которую можно и нужно подчинить.

Остановимся теперь несколько подробнее на том, что мы понимаем под эволюцией (на всех уровнях) и социальной эволюцией.

Эволюцией, в нашем понимании, можно назвать процесс изменений во времени форм, структур, функций, свойств и т. п. объектов, систем, подсистем, естественных групп и совокупностей разного объема систем и объектов и т. п., благодаря которому возникают качественные изменения по сравнению с предшествующим состоянием, позитивно проявляющиеся непосредственно или в более отдаленный период; в отношении отдельных систем (объектов) и/или их узкой или широкой совокупности (и с учетом уровня обобщения).

Социальной эволюцией можно считать процесс изменений во времени форм, структур, функций, свойств и т.п. социальных объектов, систем, подсистем, естественных групп и совокупностей разного объема систем, подсистем и объектов, вплоть до предельных (Мир-Система, человечество), а также форм взаимоотношений между социальными системами и группами, благодаря которому возникают качественные изменения по сравнению с предшествующим состоянием (а также и способность к накоплению таких изменений; и целенаправленному использованию и обучению способам, ведущих к таким изменениям), общий баланс которых позитивно проявляющиеся непосредственно или в более отдаленный период; в отношении отдельных систем (объектов) и/или их узкой или широкой совокупности (и с учетом уровня обобщения).

Таким образом, здесь видна возможность осмысления эволюции и сознательного использования механизмов таких изменений. Это радикально отличает социальную эволюцию от остальных типов. В ходе эволюции реализуются как позитивные, так и негативные изменения, аддитивности в социальной эволюции меньше, чем в биологической и космической. Но важен общий баланс изменений – если он положительный, то мы говорим об эволюции; если отрицательный – о деволюции или инволюции.

Наша монография состоит из Введения, заключения, четырех частей, включающих 15 глав и 6 экскурсов, относящихся к различным главам, в которых более подробно освещаются важные проблемы, касающиеся отдельных стран или регионов, либо отдельных важных проблем. Названия экскурсов говорят сами за себя: Экскурс 1: Историческая макродинамика Китая (к главе 9); Экскурс 2: Исламизм как вариант модернизации исламских стран (к главе 13); Экскурс 3: Новый мировой порядок и Восток (к главе 15); Экскурс 4: Китайская и индийская модели развития: общие черты, различия, относительные преимущества и прогнозы (к главе 15); Экскурс 5: Динамика ценностей и модернизация: западная и восточная макрзоны (к главе 15).

Часть I «Социальная макроэволюция и исторический процесс» посвящена общим вопросам: что такое эволюция и каковы ее основные паттерны, закономерности и правила; что такое социальная эволюция, каковы ее сходства с другими формами эволюции и каковы ее особенности (мы даем собственное определение как эволюции, так и социальной эволюции, формулируем значительное количество законов, правил и паттернов эволюции, характерных и для социальной эволюции); каково взаимоотношение социальной

эволюции, исторического процесса и всемирной истории; даем анализ догосударственного развития социальной эволюции.

Часть 2 «Восток и Запад в социальной эволюции» посвящена анализу того, что можно называть Востоком (и когда можно начинать говорить о протоВостоке); упомянутым выше проблемам природной среды, роли варварской периферии и развития Африоэвразийской мир-системы; далее анализируются взаимодействие между Востоком и Западом в рамках нашей теории дивергенций – конвергенций. В этой части мы также исследуем три важнейших и длительных тренда социальной макроэволюции в аспекте взаимодействия Востока и Запада: демографический, технологический и политический.

Часть 3 «Трансформации Востока и ускорение социальной эволюции» посвящена анализу тех важнейших процессов, которые собственно сформировали Восток, дали ему и всей социальной эволюции ускорение, позволили Востоку оказать влияние на Запад и другие регионы: аграрная революция, городская революция, формирование системы Восток-Запад, в результате которой социальная эволюция «включила» на полную мощность такие движущие силы, как творческое соперничество, творческое заимствование, синтез достижений и ряд других, что позволило резко ускорить развитие социальной эволюции, исторического процесса и отдельных обществ.

Наконец, часть 4 «Подъем Запада и новый подъем Востока в аспекте социальной эволюции» посвящена развитию Запада и Востока во втором тыс. н.э, особенно в последнее время. В этой части в рамках нашей концепции великих дивергенций и конвергенций (как части более многочисленных дивергенций и конвергенций, наблюдаемых в социальной эволюции, но наиболее значимых по последствиям) показывается, как отстающая по основным показателям Европа, начиная с XII века стала ускоряться, как и почему в ходе промышленной революции началась великая дивергенция, в результате которой Европа смогла вырваться далеко вперед, описываются процессы глобализации и контрглобализации. Затем мы показываем, как и почему отстающий Восток сумел перенять достижения Запада и в 20 столетии начать быстрое развитие, которое с 1970-х превратилось в великую конвергенцию, в рамках которой мы видим, что развивающиеся страны стали опережать развитые по темпам роста и приближаться к ним по другим показателям. В этой части мы также показываем и общие процессы, характерные для Запада и Востока в XVI–XIX столетиях.

Заключение «Социальная эволюция в будущем: произойдет ли изменение биологической природы человека?» посвящено животрепещущему вопросу о том, как будет развиваться социальная эволюция в будущем? Проблема в том, что развитие человечества находится сейчас на очень важном этапе, за которым предыдущие ее тренды могут измениться радикально. Дело в том, что технологии стремительно движутся в направлении, которое может позволить существенное, а затем и радикальное изменение человеческой биологической природы. Понятно, что в этой связи всякие другие характеристики, которые ныне являются очень важными, в т.ч. и различия в характеристиках восточного и западного путей развития, могут померкнуть. В заключении с опорой на теорию кибернетической революции и вытекающие из нее прогнозы грядущих технологических прорывов, которые будут связаны с увеличением возможностей влияния на человеческий организм, анализируется исключительно важная с точки зрения философии и гуманитарной сферы, биоэтики и футурологии проблема сохранения биологической природы человека.

Мы надеемся, что поднятые в настоящей монографии вопросы и проблемы позволят всерьез поставить задачи исследования социальной эволюции и исторического процесса новыми средствами, позволят по-новому взглянуть на актуальные и сложные проблемы, которые составляют важную часть востоковедения. Мы надеемся, что данная монография будет полезна не только профессиональным востоковедам, но и философам, антропологам, всем, кто интересуется эволюцией, ходом исторического развития человечества и историей общества.